

**Анатомия
бессмертия.
Пульс
бездны**

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

**Анатомия бессмертия.
Пульс бездны**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Анатомия бессмертия. Пульс бездны / С. Патрушев — «Автор», 2026

Элиан Винтер, антиквар и почти вампир, запертый в мучительном промежутке между жизнью и смертью, следует за запахом чужой магии, надеясь найти лекарство от проклятия, которое пожирает его изнутри. След приводит его в древний храм, где безумный Архитектор Крови Корвин Ашер три столетия возвращает Алый Источник — пульсирующий кристалл из чистой, концентрированной жизненной силы, способный открыть врата в иные миры и переписать законы реальности. Чтобы завершить эксперимент, нужна особая кровь — кровь существа, застрявшего на границе между человеком и чудовищем. Но когда Элиан соглашается стать донором, Источник извлекает из него не только кровь, а нечто гораздо более тёмное — его собственную тень, обретающую плоть и жаждущую занять место оригинала. Теперь Элиану предстоит выбор, страшнее которого он не мог вообразить: обрести божественное могущество ценой окончательной потери себя или вернуть человечность, принеся в жертву ту единственную, что подарила ему вечность.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Вкус тени	5
Глава 2: Алый источник	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Анатомия бессмертия. Пульс бездны

Глава 1: Вкус тени

Дождь барабанил по булыжной мостовой Кольцевой улицы с монотонной настойчивостью метронома, отсчитывающего последние мгновения чьей-то угасающей жизни, и капли разбивались о каменные выступы старых доходных домов, стекали по проржавевшим водосточным трубам и собирались в мутные, подёрнутые радужной маслянистой плёнкой лужи, в которых отражались редкие газовые фонари, зажигаемые в этом районе Нижнего города поздно и гасимые рано из экономии драгоценной магической эссенции. Элиан шёл сквозь эту водяную завесу, ощущая кожей каждую каплю, но не чувствуя холода, потому что его кожа остыла настолько, что дождевая вода казалась почти тёплой, а сердце билось всё реже и тише, словно старинные напольные часы в заброшенном особняке, у которых заканчивается завод и которые вот-вот замолкнут навсегда.

Запах ударил в ноздри раньше, чем он увидел тело, — сложный, многослойный аромат, сотканный из сладковато-медного артериального букета, едких нот животного страха и чего-то ещё, почти неуловимого, мерцающего на самой границе восприятия, подобно миражу в пустыне или отблеску далёкой звезды, которая уже погасла, но чей свет всё ещё достигает земли. Так пахнет только что сотворённая магия, оставляющая после себя шлейф озона и тлеющих звёзд, и этот запах пробуждал в Элиане смутные воспоминания о чём-то древнем и запретном, о временах, когда мир был моложе, а границы между возможным и невозможным оставались куда более зыбкими. Он замедлил шаг, сознательно замедляя своё продвижение вперёд, хотя внутренний голос, ставший в последние дни особенно настойчивым и требовательным, почти истеричным, твердил ему ускориться, найти источник этого пьянящего аромата, утолить раздражающую гортань жажду любым доступным способом. Элиан сжал кулаки в карманах длинного чёрного плаща, чувствуя, как заострившиеся ногти впиваются в ладони, оставляя на бледной коже полумесяцы вмятин, и заставил себя думать о геометрии дождевых потоков, о математических закономерностях движения воды по наклонным поверхностям, о чём угодно, лишь бы отвлечься от пульсирующей жилки на шее проходящего мимо ночного сторожа.

Переулок ответвлялся от основного проспекта узкой каменной кишкой, зажатой между двумя облезлыми доходными домами с тёмными, слепыми окнами, и именно там, у ржавой пожарной лестницы, прикреплённой к стене головками болтов, которые давно уже срослись с кирпичной кладкой в единое целое, лежало тело, распростёртое на мокрых булыжниках с какой-то неестественной, почти балетной грацией. Элиан увидел его одновременно с тем, как очередной порыв ветра разорвал плотную пелену дождя, открывая картину, достойную кисти какого-нибудь безумного художника, решившего запечатлеть момент перехода души из одного мира в другой, тот краткий миг, когда человек уже умер, но его тело ещё хранит остаточное тепло жизни. Мужчина лежал на спине, широко раскинув руки и устремив остановившийся взгляд в бесконечное ночное небо, а дождь уже наполовину заполнил его открытые глаза, создавая иллюзию, будто мёртвый плачет чистой небесной водой, оплакивая собственную безвременную кончину. Горло было разорвано, но совсем не так, как это делают вампиры — грубо, жадно, яростно, оставляя после себя рваные края и характерные следы клыков, похожие на пунктуацию смерти. Эта рана была почти хирургической, словно некто сначала провёл неви-

димым скальпелем по изгибу сонной артерии с точностью до миллиметра, а затем уже приложил губы к аккуратному надрезу, действуя с холодной, расчётливой методичностью опытного патологоанатома.

Элиан присел на корточки, игнорируя то обстоятельство, что мокрый подол плаща опустился прямо в лужу с красноватым оттенком, которая продолжала расширяться, подпитываемая слабеющим потоком из раны, и принялся изучать тело с дотошностью, выработанной за десятилетия работы с древними артефактами, где каждая микроскопическая деталь могла оказаться ключом к пониманию целого. Кровь ещё не полностью свернулась, смешиваясь с дождевой водой в причудливые, абстрактные узоры, напоминающие карты несуществующих архипелагов или письма на давно забытом языке, который использовали жрецы доимперской эпохи для общения с богами, ныне обратившимися в прах. Смерть наступила не более получаса назад, и аура угасающей жизни всё ещё вибрировала вокруг тела, подобно затихающему звуку колокольчика, хотя для обычного человеческого взгляда эта вибрация оставалась полностью невидимой. Он провёл пальцами над раной, старательно избегая физического контакта с мёртвой плотью, и почувствовал то самое мерцание — эхо чужой, могущественной силы, оставившей на теле жертвы не только физический след, но и нечто вроде магической подписи, уникального отпечатка, по которому можно опознать создателя так же надёжно, как по отпечаткам пальцев опознают преступника в сыском департаменте. Это орудие убийства было клыками лишь в самом метафорическом смысле, на самом же деле убийца использовал магию, тонкую как паутина, сплетённая пауком-ткачом на рассвете, и острую как обсидиановый нож ацтекского жреца, магию, с которой Элиан никогда прежде не сталкивался за все свои долгие годы коллекционирования и изучения редких оккультных феноменов.

В Аурелиуме, городе тысячи шпилей и десяти тысяч тайн, магия была такой же обыденностью, как уличные торговцы жареными каштанами или фонарщики, совершающие свой ежевечерний обход с неизменными длинными шестами в руках, и её классифицировали с бюрократической дотошностью, изучали в университетах на специальных факультетах, продавали в лицензированных лавках за звонкую монету и даже выдавали официальные разрешения на практику определённых, наиболее безопасных видов волшебства. Стихийная магия — огонь, вода, земля и воздух — считалась ремеслом, почётным и уважаемым, но всё же ремеслом, доступным любому, у кого хватало способностей и усердия для освоения базовых плетений. Иллюзорная магия ценилась как искусство, возвышенное и капризное, требующее не только врождённого таланта, но и утончённого вкуса, чувства прекрасного и умения манипулировать человеческим восприятием. Целительная магия приравнивалась к профессии, подобно медицине или юриспруденции, со своими строгими этическими кодексами и профессиональными гильдиями. Однако то, что Элиан ощущал сейчас, исходящее от мёртвого тела бродяги в залитом дождём переулке, решительно не вписывалось ни в одну из двенадцати официально признанных категорий, прописанных в Королевском Реестре Магических Искусств. Эта магия пела на частоте, совершенно недоступной обычному человеческому уху, пела голосом, который резонировал с чем-то глубоко внутри самого Элиана, с тем тёмным, чужеродным началом, что поселилось в нём после укуса графини Ван Дер Меер, случившегося ровно три месяца и четыре дня назад в промозглый осенний вечер, который он никогда не сможет забыть, сколько бы столетий ни продлилась его теперешняя полужизнь.

Он выпрямился, чувствуя, как затёкшие от долгого сидения на корточках суставы отзываются тупой, ноющей болью, напоминающей о том, что его тело, несмотря на все происходящие с ним изменения, всё ещё сохраняет некоторую связь с человеческой физиологией. Вампирское превращение ещё не завершилось — графиня, эта аристократичная хищница с манерами

королевы и инстинктами гадюки, говорила ему тогда, сразу после укуса, что полный переход занимает от полугода до девяти месяцев, в зависимости от изначальной силы донора и индивидуальных особенностей организма реципиента, и что всё это время он будет находиться в состоянии мучительной неопределённости, балансируя между двумя мирами, не принадлежа полностью ни одному из них. Пока что Элиан пребывал именно в этом промежуточном, маргинальном состоянии, когда солнечный свет уже причинял ощутимый дискомфорт, заставляя кожу зудеть и краснеть, но ещё не убивал, когда жажда сводила с ума, превращая каждый час бодрствования в изошрённую пытку, но её ещё можно было утолять животной кровью, покупаемой у мясников на городском рынке по средам и субботам. Он ненавидел это состояние каждой клеточкой своего меняющегося тела, ненавидел себя за слабость, позволившую графине приблизиться достаточно близко для укуса, ненавидел саму графиню с холодной, расчётливой яростью, которая, возможно, однажды поможет ему отомстить, но больше всего на свете ненавидел то обстоятельство, что сейчас, склонившись над мёртвым телом безвестного бродяги, он чувствовал в качестве доминирующей эмоции вовсе не ужас перед чужой жестокостью и не сострадание к безвременно ушедшей душе, а острое, как свежезаточенный клинок, почти непристойное в данной ситуации любопытство, смешанное с тем особым, тёмным голодом, который просыпался в нём всякий раз при виде свежей крови.

За спиной послышались шаги — осторожные, почти вороватые, но всё же недостаточно тихие для его нового, обострённого вампирским превращением слуха, который теперь улавливал даже шёпот мышей в подвалах соседних домов и биение сердец спящих за толстыми стенами людей. Элиан обернулся, и его промокший насквозь плащ взметнулся мокрым чёрным крылом, на мгновение очертив его высокую, болезненно худую фигуру на фоне кирпичной стены, покрытой многолетними наслоениями сажки, плесени и облупившейся краски. В переулок, осторожно обходя особенно глубокие лужи и придерживая рукой ножны короткого меча, вошёл мужчина в форменном кителе городской стражи тёмно-синего цвета с медными пуговицами, держа в одной руке масляный фонарь, а другую предусмотрительно положив на рукоять оружия, готовый выхватить его в любую секунду. Его глаза, явно привыкшие к долгим ночным дежурствам в плохо освещённых районах, быстро и профессионально обшарили пространство переулка, на мгновение задержались на теле с характерной цепкостью человека, видевшего смерть во всех её проявлениях достаточно часто, чтобы выработать профессиональный иммунитет, и затем переместились на Элиана, оценивая потенциальную угрозу.

— Отойдите от тела, сударь, — голос стражника звучал напряжённо, но твёрдо, с той особой интонацией человека, который привык отдавать приказы и ожидать их немедленного исполнения. — И покажите руки, медленно и так, чтобы я их видел.

Элиан медленно, стараясь не делать резких движений, которые могли бы спровоцировать стражника на необдуманные действия, вынул руки из карманов плаща, демонстрируя открытые ладони с длинными, бледными пальцами пианиста, на которых выделялись аккуратно подстриженные, но неестественно заострённые ногти. Кровь на руки не попала — он был слишком осторожен для того, чтобы прикасаться к телу или луже, слишком хорошо знал по собственному опыту наблюдения за работой сыскарей, как именно выглядит вина со стороны и какие улики впоследствии могут быть использованы против подозреваемого в суде.

— Я просто проходил мимо, офицер, возвращаясь домой после поздней инвентаризации в своей лавке, и заметил тело совершенно случайно, когда решил срезать путь через этот переулок, что, как я теперь понимаю, было не самым мудрым решением, — произнёс он ровным,

хорошо поставленным голосом, в котором слышались аристократические нотки, приобретённые за годы общения с богатыми клиентами и коллекционерами.

Стражник приблизился на несколько шагов, поднимая фонарь выше, и колеблющийся жёлтый свет упал прямо на лицо Элиана, беспощадно высветив все его аристократические черты, которые теперь, под влиянием продолжающегося превращения, приобрели несколько хищное, потустороннее выражение — острые, словно вырезанные из мрамора скулы, тонкий нос с лёгкой горбинкой, доставшейся ему от предков по материнской линии, безупречно бледную, почти прозрачную кожу, сквозь которую просвечивала сетка голубоватых вен, и тёмные, глубоко посаженные глаза, в чьей радужке плавали янтарные искры, разгоравшиеся всякий раз, когда он испытывал сильные эмоции или когда жажда становилась особенно нестерпимой. Стражник нахмурился, явно заподозрив что-то неладное в облике позднего прохожего, возможно, заметив ту самую неестественную бледность, нехарактерную даже для самых изнеженных аристократов, или то, как капли дождя, попадая на лицо Элиана, скатывались по коже, почти не задерживаясь на ней, словно отталкиваемые каким-то невидимым, микроскопическим барьером.

— Ваше имя, сударь, — произнёс стражник тоном, не допускающим возражений или уклончивых ответов, — и род ваших занятий, если будете так любезны.

— Элиан Винтер, владелец антикварного магазина «Редкости Винтера», расположенного на пересечении Шёлковой и Кузнечной улиц, работающего ежедневно, кроме воскресений и праздничных дней, с десяти утра до семи вечера, — он протянул стражнику визитную карточку из плотной слоновой кости бумаги с золотым тиснением, которую тот взял с явной неохотой, продолжая бравить его подозрительным взглядом.

Это было правдой, хотя, разумеется, далеко не всей правдой, а лишь той её частью, которую можно было безопасно предъявить официальному лицу при исполнении. До укуса, перевернувшего всю его жизнь и запустившего обратный отсчёт его человеческого существования, Элиан действительно содержал антикварную лавку, специализируясь на старинных магических артефактах, редких гримуарах и прочих оккультных диковинах, пользовавшихся стабильным спросом среди коллекционеров, учёных и просто богатых бездельников, желающих украсить свои гостиные чем-нибудь загадочным и потенциально опасным. После укуса лавка из источника дохода и профессиональной самореализации превратилась в прикрытие, убежище, место, где можно было относительно безопасно переждать светлое время суток, спрятавшись в подвальном помещении без окон, и где он день за днём, ночь за ночью изучал все доступные ему источники информации о вампирах, их природе, слабостях и, что было самым важным, о возможных способах обращения проклятия вспять или хотя бы замедления процесса трансформации.

Стражник, чьё имя Элиан машинально прочитал на потускневшей латунной табличке, приколотой к нагрудному карману кителя — сержант Торвальд, — скептически хмыкнул, выражая таким образом своё отношение к запоздалым прогулкам антикваров по злачным районам Нижнего города, но визитную карточку аккуратно спрятал в карман, очевидно, намереваясь проверить указанные сведения при первой же возможности. Затем он, кряхтя и морщась от резкого запаха, присел над телом, принявшись осматривать рану на горле жертвы с той же профессиональной дотошностью, с какой несколькими минутами ранее это делал Элиан, подсвечивая себе колеблющимся пламенем масляного фонаря, которое отбрасывало на мокрые стены причудливые, танцующие тени.

— Ещё один, бедолага, — пробормотал сержант себе под нос, явно не рассчитывая, что его слова будут услышаны, но Элиан, чей слух теперь улавливал даже самые тихие звуки, разумеется, услышал этот скорбный комментарий. — Уже третий за последний месяц, если я правильно веду подсчёт, а я, слава всем богам, пока ещё не научился считать до трёх.

— Третий? — Элиан сделал шаг вперёд, приближаясь к телу и стражнику, игнорируя предостерегающий жест сержанта, который вскинул руку, призывая его остановиться. — Вы хотите сказать, что в городе уже были другие убийства с похожими, почти идентичными ранениями?

Сержант Торвальд поднял на него взгляд, в котором подозрительность боролась с усталостью и, как показалось Элиану, с проблесками чего-то похожего на отчаяние, свойственного людям, столкнувшимся с проблемой, которая явно превосходит их компетенцию.

— А вам-то какое дело до этого, господин антиквар? — поинтересовался он с плохо скрываемым сарказмом. — Ищете, быть может, новые экспонаты для своей коллекции диковин, и свежие трупы с магическими ранами кажутся вам достойным пополнением ассортимента?

— Ищу ответы на вопросы, которые пока даже не могу внятно сформулировать, — спокойно, с ледяным самообладанием, выработанным за десятилетия общения с самыми разными, подчас весьма неприятными людьми, ответил Элиан. — Вот, например, эта рана на горле жертвы — вы же видите, опытным глазом стражника, что она совсем не обычная, что в ней есть нечто, выходящее за рамки стандартного нападения вампира или обыкновенного грабителя с ножом?

— Конечно, вижу, слава богам, пока ещё не полностью ослеп, — буркнул Торвальд, снова переводя взгляд на тело и изучая аккуратный разрез с тем особым, мрачным выражением лица, которое бывает у людей, вынужденных регулярно созерцать наихудшие проявления человеческой и нечеловеческой жестокости. — У первого тела, обнаруженного двадцать дней назад в переулке близ Хрустального рынка, горло было вскрыто точно таким же образом, с той же хирургической точностью, словно орудовал не убийца, а практикующий анатом. Мы тогда первым делом подумали на вампиров, потому что кому ещё придёт в голову пить человеческую кровь в тёмных переулках, и вызвали охотников из Гильдии, этих самоуверенных фанатиков с их непременными осиновыми кольями и серебряными амулетами. Охотники приехали, осмотрели тело, обнюхали всё вокруг со своими специально натренированными собаками и заявили, что это вовсе не вампирский почерк, что убийство совершено слишком чисто, слишком аккуратно для вампира, который всегда действует в состоянии голодного исступления, и что магия, использованная при нападении, какая-то совсем не та магия, которую они привыкли отслеживать. У второго тела, найденного десять дней назад в подворотне у Старой Пристани, та же самая картина, те же самые характерные ранения и тот же самый странный магический след. И вот теперь этот несчастный, третий по счёту.

Он кивнул на тело, распростёртое на мокрых булыжниках, и в этом жесте читалась бесконечная усталость человека, который уже предвидит долгие, безрезультатные поиски и горы бумажной работы.

— Бродяга, судя по состоянию одежды и характерному запаху, который не может перебить даже запах свежей крови, — продолжил сержант. — Никто не будет его искать, никто не

подаст заявление о пропаже, никто не станет требовать у начальства скорейшего раскрытия преступления, потому что кому какое дело до безвестного бродяги из Нижнего города. Но всё равно — убийство есть убийство, и наша работа заключается в том, чтобы найти того, кто его совершил.

Элиан снова перевёл взгляд на рану, рассматривая её теперь с новым пониманием, зная о двух предыдущих случаях и имея возможность сопоставить известные факты с тем, что он видел непосредственно перед собой. В этой ране, в её форме, глубине, в характере повреждения тканей угадывался определённый, хорошо продуманный почерк, свидетельствующий о том, что убийца не просто пил кровь ради утоления физического голода или извращённого удовольствия — он что-то извлекал из тела жертвы, какую-то субстанцию, совершенно невидимую обычному глазу, но вполне осязаемую на тонком магическом уровне восприятия. Всё это действие чрезвычайно напоминало ритуал, сложное жертвоприношение, намеренно и расчётливо замаскированное под обычное нападение вампира, чтобы сбить следствие с толку и направить его по ложному пути.

— Вы позволите мне осмотреть тело более внимательно, чем я уже это сделал? — спросил Элиан, и в его тоне проскользнуло что-то такое, что заставило сержанта на мгновение замереть в нерешительности, возможно, тот же самый гипнотический оттенок, который появлялся у него теперь всякий раз, когда он хотел убедить собеседника в своей правоте. — У меня имеется определённый, весьма обширный опыт в распознавании магических следов на старинных артефактах, и я полагаю, что мои профессиональные навыки могут оказаться полезными для вашего расследования, учитывая очевидно магическую природу данного преступления.

Торвальд посмотрел на затянутое тучами небо, с которого продолжал изливаться бесконечный дождь, на забрызганные кровью булыжники, на тёмные провалы окон окружающих домов, и, видимо, приняв во внимание всю безнадёжность ситуации и отсутствие альтернативных вариантов, решил, что помощь странного, подозрительно бледного антиквара в эту дождливую, промозглую ночь всё же предпочтительнее, чем полное отсутствие какой-либо помощи вообще.

— Только быстро и без фокусов, — проворчал он, отступая на шаг и давая Элиану возможность приблизиться к телу. — С минуты на минуту сюда должен прибыть официальный маг-дознатель из Башни, вызванный моим напарником, и если он застанет вас здесь, хозяйничающим над трупом и сующим свой нос в официальное расследование, неприятностей не оберёмся мы оба, и ваша антикварная лавка, возможно, не откроется завтра в десять утра, как вы обещаете на своей визитке.

Элиан благодарно кивнул и снова опустился на корточки перед телом, чувствуя, как мокрая ткань плаща, уже и без того промокшая до последней нитки, снова погружается в холодную воду с красноватым оттенком. На этот раз он не просто водил рукой над раной, полагаясь на поверхностное восприятие магических эманаций, — он закрыл глаза, отсекая визуальные помехи, и позволил своему новому, вампирскому чутью, этому странному дару, полученному вместе с проклятием, полностью раскрыться, подобно тому как ночной цветок раскрывает свои лепестки только в полной темноте. Мир вокруг него изменился, расцветившись аурическими оттенками, которые были недоступны человеческому зрению, но которые он теперь воспринимал так же ясно и отчётливо, как обычный человек воспринимает цвета радуги. Сержант Торвальд, стоящий в нескольких шагах, пылал тусклым, но ровным оранжевым свечением — цветом усталости, смешанной с глубоко укоренившимся чувством долга, которое не позволяло

ему бросить всё и уйти домой, к горячему ужину и тёплой постели. Тело бродяги подёрнулось угасающей серой дымкой, которая медленно, почти незаметно для невооружённого глаза, истончалась и рассеивалась, — это были последние остатки жизненной силы, покидающие мёртвую оболочку подобно тому, как аромат покидает увядший цветок. Но в самом центре раны, в той точке, где магия убийцы непосредственно соприкоснулась с живой плотью, пульсировала крошечная, но невероятно концентрированная точка абсолютной, космической черноты, и это было не просто отсутствие цвета или света, а именно цвет — цвет абсолютного поглощения, цвет бездны, которая не отражает свет, а пожирает его без остатка, цвет изначальной пустоты, существовавшей до сотворения мира.

Элиан, повинувшись какому-то глубинному, интуитивному порыву, который он даже не пытался анализировать, протянул палец и осторожно, едва заметно коснулся этой пульсирующей точки.

Мир взорвался фейерверком чужих воспоминаний и ощущений, затопивших его сознание с такой силой, что он на мгновение потерял ориентацию в пространстве и времени, перестав понимать, где заканчивается он сам и начинается видение. Он внезапно увидел переулочек не сверху, со своей обычной точки обзора, а снизу, глазами жертвы, лежащей на мокрых, холодных булыжниках и глядящей в бесконечное, равнодушное небо, с которого падали капли дождя, попадая прямо в широко раскрытые, уже почти остекленевшие глаза. Он почувствовал запах мокрой, давно не стиральной шерсти, исходящий от собственной одежды, смешанный с запахом дешёвого табака, который он выкурил незадолго до смерти, и с запахом страха, липкого, животного страха, который, казалось, пропитал каждую клеточку его тела. А затем он увидел фигуру, склонившуюся над ним, — высокую, закутанную в длинный, до земли, тёмный плащ с глубоким капюшоном, полностью скрывающим лицо в своих непроницаемых складках, так что видны были только тонкие, длинные пальцы, унизанные серебряными кольцами с тёмными камнями, и край подбородка. Однако Элиан, находящийся внутри видения, видел вовсе не лицо убийцы — он видел его ауру, и это зрелище было настолько великолепным и завораживающим, что захватывало дух даже у того, кто, строго говоря, больше не нуждался в дыхании. Аура убийцы переливалась сложным серебристо-фиолетовым сиянием, напоминающим северное сияние в разгар полярной ночи, и пульсировала в особом, уникальном ритме, который Элиан мгновенно узнал, потому что этот ритм был характерен для чрезвычайно мощного магического источника, возможно, даже для полноценного магического ядра, формирующегося у наиболее одарённых практикующих после десятилетий интенсивных занятий. Аурой подобной интенсивности и красоты обладали исключительно архимаги высшего ранга, члены правящего Совета Десяти, которые управляли всей магической жизнью Аурелиума, или же отступники, практикующие запретные, тёмные искусства где-то вдали от бдительного ока официальных властей.

Загадочная фигура в плаще протянула руку к горлу жертвы, и вокруг длинных, изящных пальцев закрутилась, заструилась та самая чёрная, поглощающая свет магия, которую Элиан ощутил ранее, — магия, которая определённо не была ни стихийной, происходящей от четырёх первоэлементов, ни иллюзорной, воздействующей на восприятие, ни целительной, направленной на восстановление повреждённых тканей, а являлась чем-то принципиально иным, более древним и более опасным. Это была магия крови во всей своей первозданной, ужасающей красоте, но очищенная, дистиллированная, прошедшая через множество сложнейших трансформаций и превращённая в инструмент поистине хирургической точности, способный разрезать живую плоть с той же лёгкостью, с какой раскалённый нож разрезает сливочное масло. Лезвие абсолютной тьмы, сотканное из собственной крови жертвы, трансформированной в острейший

скальпель, коснулось горла, и мир захлебнулся ослепляющей болью и липким, всепоглощающим ужасом, а затем начал стремительно гаснуть, сворачиваясь в ту точку черноты, с которой всё и началось.

Видение оборвалось так же внезапно и резко, как началось, словно кто-то выдернул шнур из проекционного аппарата. Элиан отдернул руку от тела, пошатнувшись и едва не потеряв равновесие, и несколько мгновений тяжело, судорожно дышал, хотя дыхание ему теперь требовалось больше по укоренившейся за долгую человеческую жизнь привычке, чем по реальной физиологической необходимости. Сержант Торвальд смотрел на него с откровенной тревогой, наполовину вытащив меч из ножен и явно готовясь применить оружие в любой момент, если странный антиквар выкинет ещё какой-нибудь пугающий фортель.

— Что это, к демонам, сейчас было? — требовательно спросил сержант, и его голос звучал на полтона выше обычного. — У вас глаза... они светились в темноте, как у дикого зверя, жёлтым таким, янтарным светом, и это, знаете ли, довольно сильно нервирует, когда стоишь ночью в тёмном переулке рядом с трупом.

Элиан усилием воли заставил янтарное свечение, разгоревшееся в его глазах под воздействием сильных эмоций и магического резонанса, погаснуть, возвращая радужке её обычный, почти человеческий тёмно-карий оттенок.

— Остаточная магия, сохранившаяся в ране жертвы, оказалась значительно сильнее, чем я предполагал изначально, — объяснил он, и это объяснение было ложью лишь отчасти, потому что магия действительно оказалась сильной, просто он не стал уточнять, что смог с ней взаимодействовать на гораздо более глубоком уровне, чем любой обычный человек или даже тренированный маг. — Мне удалось считать фрагмент последнего воспоминания жертвы, то, что она видела непосредственно перед смертью, и это видение подтверждает мои первоначальные предположения: убийца — маг чрезвычайно высокого уровня, обладающий колоссальной силой и знаниями, и он использует магию крови, ту самую, запрещённую три столетия назад и караемую смертной казнью без права на обжалование.

Сержант Торвальд побледнел так стремительно и так сильно, что это было заметно даже в тусклом, колеблющемся свете масляного фонаря, который он продолжал сжимать в руке с побелевшими от напряжения костяшками пальцев. Магия крови была не просто запрещена в Аурелиуме — она была проклята на самом высоком уровне, официально и бесповоротно, с момента подписания Корвусского пакта триста лет назад, того самого исторического документа, который положил конец опустошительным Войнам Красной Росы, едва не уничтожившим всю цивилизацию. Любой человек, маг или не-маг, уличенный в использовании или даже в изучении магии крови, подлежал немедленной, окончательной и не подлежащей обжалованию казни без суда и следствия, с последующей конфискацией всего движимого и недвижимого имущества в пользу короны и с символическим выжиганием его имени из всех городских архивов, так что от человека не оставалось даже памяти, даже упоминания в исторических хрониках.

— Вы уверены в том, что говорите? — голос сержанта дрогнул, утратив свою прежнюю командирскую твёрдость. — Потому что если вы ошибаетесь, то это одно, а если вы правы, то это означает, что в городе орудует маг крови, а это уже проблема совсем другого масштаба, с которой ни я, ни весь наш участок не справимся.

— Я абсолютно уверен в своём заключении, сержант, — ответил Элиан, поднимаясь с колен и машинально отряхивая плащ, хотя это было совершенно бессмысленным жестом, потому что ткань промокла насквозь и отряхивать с неё было попросту нечего.

Он чувствовал, как глубоко внутри него, где-то в той области, которая раньше была просто душой, а теперь стала чем-то более сложным и тёмным, разгорается странное, почти забытое пламя, не имеющее ничего общего с проклятым голодом, который терзал его постоянно.

Это пламя было сродни азарту, который он испытывал в прежние времена, когда ему удавалось напасть на след какого-нибудь уникального, редкого артефакта, или любопытству учёного, стоящего на пороге важного открытия, или, возможно, даже предвкушению долгожданной встречи с кем-то, кто, как и он сам, балансирует на тонкой, как лезвие бритвы, грани между человеческим и чудовищным, между светом и тьмой, между жизнью и тем, что наступает после неё.

Магия крови была не просто официально запрещена королевскими декретами и магистратскими постановлениями — она была проклята на уровне массового сознания, демонизирована до такой степени, что одно лишь упоминание о ней вызывало у добропорядочных граждан дрожь ужаса и желание немедленно осенить себя защитным знаменем. Официальная пропаганда утверждала, что её использование развращает человеческую душу быстрее и глубже, чем любой другой вид тёмных искусств, включая даже некромантию и демонологию, вместе взятые. Однако Элиан, проведший значительную часть своей человеческой жизни за изучением древних, часто полузапретных текстов, знал то, чего не знали или не хотели знать обыватели, получающие информацию из одобренных властями источников. В старых книгах, тех, что хранились под замком в закрытых, недоступных для студентов секциях университетской библиотеки и в частных коллекциях вроде его собственной, магия крови описывалась совершенно иначе, без этой истеричной демонизации, — как нейтральный по своей сути инструмент, подобный скальпелю в руках хирурга, который может быть использован как во благо, для исцеления смертельных недугов и спасения жизней, так и во зло, для причинения страданий и отнятия жизни. Как оружие, которое само по себе не является ни добрым, ни злым, но приобретает моральную окраску исключительно в зависимости от намерений того, кто держит его в руке. И, что было самым важным для Элиана, самым критически значимым во всей этой ситуации, существовали древние, полузабытые легенды, передаваемые из поколения в поколение среди наиболее осведомлённых членов магического сообщества, о том, что истинные мастера магии крови, достигшие высочайшего уровня мастерства, владели секретами обращения вспять вампирского проклятия и возвращения упырям их утраченной человеческой природы.

Легенды, разумеется, не более чем легенды, красивые сказки, которые рассказывают посвящённые посвящённым в глубокой тайне, за плотно закрытыми дверями. Всего лишь легенды, не подтверждённые ни одним достоверным документом, ни одним надёжным свидетельством, ни одним экспериментальным доказательством. Но прямо сейчас, в эту самую минуту, стоя под проливным дождём над телом безвестного бродяги в зловонном переулке Нижнего города, Элиан Винтер впервые за три месяца, прошедших с момента рокового укуса графини Ван Дер Меер, почувствовал нечто, что с огромным трудом и массой оговорок можно было бы назвать надеждой на избавление.

В дальнем конце переулка внезапно вспыхнул яркий, ослепительный свет, мгновенно разогнавший густые тени и заставивший мокрые стены домов засиять подобно зеркалам, — не тот жёлтый, маслянистый, колеблющийся свет обычного фонаря, к которому привыкли обитатели Нижнего города, а чистое, ослепительно-белое сияние, имевшее несомненно магическое происхождение и говорившее о том, что его источником является весьма и весьма могущественный маг. Сержант Торвальд торопливо выпрямился, заслоняя глаза ладонью и пытаясь разглядеть что-то сквозь этот слепящий, почти осязаемый поток фотонов.

— Дознаватель из Башни, лёгок на помине, — прошептал он с той особой смесью облегчения и тревоги, которую испытывают мелкие чиновники при появлении высокого начальства. — Надо же, как быстро они сегодня соизволили явиться, обычно ждать приходится не меньше часа, а то и двух.

Элиан, движимый инстинктом самосохранения, который никуда не делся после укуса, а, напротив, лишь обострился, быстро отступил в густую спасительную тень, надвигая капюшон

плаща поглубже на лицо, чтобы скрыть свою предательскую бледность и всё ещё слегка поблёскивающие янтарём глаза. Ему категорически не следовало попадаться на глаза официальному магу из Башни — его нынешнее, промежуточное состояние было бы слишком очевидным для тренированного, наметанного взгляда профессионального дознавателя, специализирующегося именно на выявлении тёмных сущностей и запретных практик, а все возможные объяснения с представителями Башни никогда, за всю историю их существования, не заканчивались ничем хорошим для тех несчастных, кто находился в процессе превращения в вампира. Охотники на вампиров официально входили в юрисдикцию Башни, подчинялись её приказам и отчитывались перед её начальством, и хотя формально, строго с точки зрения буквы закона, Элиан ещё не был вампиром в полном смысле этого слова, не завершил трансформацию и не приобрёл всех сопутствующих ей способностей и слабостей, подобные формальности и юридические тонкости редко останавливали фанатиков, вооружённых осиновыми кольями и жаждущих очистить мир от порождений тьмы.

Он двинулся вдоль стены переулка, стараясь держаться в самой глубокой тени и ступая совершенно бесшумно по мокрым, скользким булыжникам, мысленно благодаря своё новое, меняющееся тело за эту сверхъестественную бесшумность движений, которая была бы невозможна для обычного человека, обутого в тяжёлые кожаные сапоги. Сержант Торвальд, казалось, совершенно забыл о его существовании, полностью поглощённый приближающимся магическим светом и мыслями о том, что он будет докладывать высокому начальству о третьем по счёту убийстве. Элиан быстро добрался до ближайшего поворота, нырнул в боковой проход, настолько узкий, что стены почти соприкасались над головой, и через несколько десятков шагов, миновав завалы мусора и обломки каких-то ящиков, вышел на параллельную улицу, где дождь всё так же монотонно барабанил по крышам, навесам и редким, чахлым деревьям.

Он остановился на мгновение, прижимаясь спиной к холодной, влажной кирпичной стене какого-то складского помещения, и перевёл дыхание, хотя, строго говоря, в этом уже не было особой физиологической необходимости, потому что его организм с каждым днём всё меньше зависел от кислорода. Затем он достал из внутреннего, потайного кармана плаща небольшой пузырёк из тёмного, почти чёрного стекла, заполненный густой, маслянистой жидкостью — бычьей кровью с добавлением специального антикоагулянта и нескольких травяных экстрактов, рецепт этого эрзац-питания он выторговал две недели назад у одного не слишком щепетильного в вопросах профессиональной этики алхимика с улицы Алхимиков, специализирующегося на не вполне легальных заказах. Элиан сделал глоток, чувствуя, как спазм в горле, вызванный близостью свежей человеческой крови и невозможностью до неё добраться, постепенно отступает, сменяясь привычной, уже почти родной тошнотой, которая сопровождала каждый приём этой безвкусной, хотя и питательной жидкости. Животная кровь утоляла физическую жажду, предотвращала голодные спазмы и потерю контроля, но никогда не насыщала полностью, всегда оставляя после себя характерный металлический привкус пыли и глухого, неутолимого разочарования.

Итак, три убийства за последний месяц, объединённые общим, легко узнаваемым почерком, и все три — дело рук одного и того же существа, обладающего колоссальной магической силой и знаниями, утерянными или сознательно уничтоженными со времён Войн Красной Росы. Архимаг-отступник, практикующий запретную магию крови прямо в сердце Аурелиума, под носом у Совета Десяти и всей Башни. И связь, пусть пока эфемерная, пусть существующая только в виде древних легенд и неподтверждённых слухов, с теоретической возможностью исцеления от вампиризма, возвращения к нормальной, человеческой жизни, которую у него отняли холодным осенним вечером три месяца и четыре дня назад. Элиан не верил в совпадения, приписывая их исключительно человеческой склонности искать закономерности в хаосе случайных событий, — за сто сорок три года полноценной человеческой жизни и три месяца мучительной нежизни он твёрдо усвоил, что так называемые случайности чаще всего оказы-

ваются лишь плохо замаскированными, нераспознанными закономерностями, ждущими того, кто сможет их расшифровать.

Он поднял взгляд к небу, где сквозь медленно редящую пелену дождя уже начинали пробиваться первые лучи лунного света, заливающие спящий город призрачным, мертвенным серебристым сиянием, в котором все привычные очертания зданий и улиц приобретали сюрреалистический, потусторонний вид. Где-то там, в бесконечном лабиринте извилистых улиц и тёмных переулков, дворов-колодцев и подземных переходов, ходил тот, кто обладал силой, способной либо уничтожить Элиана окончательно и бесповоротно, развоплотить его, стереть с лица земли, либо, наоборот, подарить ему второй шанс на полноценную жизнь, о котором он уже почти перестал мечтать. И он найдёт этого загадочного мага крови, чего бы это ни стоило и какие бы жертвы ни пришлось принести на алтарь этого поиска, даже если для достижения цели придётся перевернуть весь Аурелиум вверх дном, башня за башней, квартал за кварталом, даже если придётся использовать собственное проклятие как инструмент, как преимущество, как компас, указывающий путь в темноте, даже если путь к спасению окажется вымощен новыми трупами и залит новой кровью.

Дождь, словно повинувшись какому-то неслышному сигналу, внезапно усилился, превращаясь из монотонной мороси в самый настоящий ливень, который затягивал город в плотный, почти осязаемый водяной кокон, скрывающий все звуки, запахи и очертания. Элиан Винтер, антиквар, коллекционер редкостей и почти-вампир, находящийся на середине мучительного пути между двумя формами существования, растворился в густых, непроницаемых тенях Кольцевой улицы, оставляя за собой лишь слабый, быстро тающий в воздухе запах озона и тлеющих где-то в бездонной небесной вышине звёзд — тот самый загадочный запах, который он унёс с собой от тела третьей жертвы и который теперь незримо вплёлся в его собственную ауру, сделавшись её неотъемлемой частью, как обещание будущей, неизбежной встречи, как метка, как компас, указывающий путь. Вкус тени, этого странного, почти поэтического субстрата, однажды попав на кончик языка, уже не забывается никогда, сколько бы столетий ни длилось твоё существование, и Элиан знал с абсолютной, кристальной ясностью, свойственной обречённым и проклятым, что отныне и до самого конца, каким бы он ни оказался, его путь будет пролегать через самые тёмные, самые опасные уголки великого города, туда, где древняя магия всё ещё поёт свои извечные песни на давно забытых языках, не слушая и не признавая запретов, законов и ограничений, установленных людьми, магами и даже вампирами, возомнившими себя хозяевами этого мира.

Глава 2: Алый источник

Дождь, этот неутомимый спутник ночных кошмаров и запоздалых прозрений, продолжал свою монотонную симфонию над Аурелиумом, когда Элиан Винтер, всё ещё ощущая на языке металлический привкус чужого воспоминания и горьковатое послевкусие бычьей крови, принял решение, которое впоследствии будет вспоминать как точку невозврата — тот самый момент, когда теоретическая возможность обретает плоть конкретного действия, а абстрактное намерение превращается в необратимую цепь поступков, каждое звено которой выковано из отчаяния и надежды, сплавленных в единый, неразрывный сплав. Он стоял, прижимаясь спиной к холодной кирпичной кладке складского здания, чувствуя, как вода стекает по его лицу, по шее, по груди, прокладывая ледяные дорожки под одеждой, и смотрел на тёмные окна окружающих домов, за которыми спали или притворялись спящими обитатели Нижнего города, не подозревающие о том, что в эту самую минуту по их улицам бродит нечто гораздо более опасное, чем обычный грабитель или даже голодный вампир-неофит.

След мага крови, который он уловил возле тела третьей жертвы, не исчез полностью после завершения видения, как это обычно случалось с остаточными магическими эманациями, рассеивающимися в пространстве подобно утреннему туману под лучами восходящего солнца, — напротив, этот след, эта тончайшая, едва различимая нить, сотканная из чёрной, поглощающей свет энергии, продолжала вибрировать где-то на границе его восприятия, подобно затихающему звуку камертона, к которому прикоснулись однажды и который продолжает петь свою одинокую ноту ещё долго после того, как физический контакт прервался. Элиан закрыл глаза, отсекая визуальные помехи дождливого города, и сосредоточился на этом ощущении, позволяя своему вампирскому чутью, этому проклятому дару, который он одновременно ненавидел и ценил, полностью раскрыться и настроиться на частоту чужой, запретной магии, как настраивают дорогой музыкальный инструмент перед важным выступлением.

След пульсировал — слабо, прерывисто, словно сердце умирающего зверя, но всё же достаточно отчётливо для того, чтобы по нему можно было ориентироваться в лабиринте городских улиц, дворов и подворотен, и Элиан, повинувшись этому мрачному компасу, двинулся прочь от Кольцевой улицы, оставляя позади и тело бродяги, и сержанта Торвальда, и слепящий свет магического дознавателя, который сейчас, вероятно, склонялся над трупом с тем же выражением профессиональной озабоченности на лице, с каким несколькими минутами ранее это делал он сам. Он шёл сквозь дождь, сквозь ночь, сквозь лабиринт переулков, каждый из которых казался точной копией предыдущего — те же мокрые булыжники, те же облезлые стены, те же тёмные окна, те же ржавые пожарные лестницы, напоминающие скелеты доисторических чудовищ, прикованные к кирпичным бокам зданий ржавчиной и временем, — и постепенно районы, через которые пролегал его путь, становились всё более ветхими, всё более заброшенными, всё более далёкими от благополучных центральных кварталов с их газовым освещением, магическими фонарями и регулярными патрулями городской стражи.

Нижний город Аурелиума представлял собой сложный, многослойный организм, напоминающий геологический разрез, где каждый слой соответствовал определённой эпохе упадка и определённой степени человеческого отчаяния, и Элиан, за свою долгую человеческую жизнь неоднократно посещавший эти районы в поисках редких артефактов для своей коллекции, хорошо знал эту печальную топографию. Сначала шли кварталы бедных, но всё ещё уважаемых ремесленников, чьи дома, пусть и обветшалые, всё ещё хранили следы былого досто-

инства в виде резных наличников на окнах и кованых решёток на дверях, затем начинались районы фабричных рабочих, где в воздухе даже ночью висел запах угольной гари и раскалённого металла, а затем, за старой городской стеной, давно утратившей своё оборонительное значение и превратившейся в гигантскую свалку строительного мусора, простиралась зона, которую на официальных картах обозначали как «неблагополучную», а в народе называли просто и без затей — Крысиными Норами, и именно туда, в этот лабиринт покосившихся лачуг, заброшенных фабрик и зловонных каналов, вёл Элиана пульсирующий след магии крови.

По мере того как он углублялся в этот район, где даже дождь, казалось, падал как-то иначе — тяжелее, грязнее, словно сама природа брезговала прикасаться к этой земле, — вампирское чутьё Элиана начало улавливать дополнительные оттенки в магическом следе, которые раньше оставались скрытыми за более яркими, доминирующими тонами запретной энергии. К запаху озона и тлеющих звёзд, который он ассоциировал с магом крови, теперь примешивался какой-то новый аромат — сладковатый, пряный, почти приторный, напоминающий одновременно о жасмине, цветущем в полночь, о старом, выдержанном вине, пролитом на дубовый пол, и о чём-то ещё, чему Элиан не мог подобрать названия, но что пробуждало в нём тот самый тёмный голод, который он так старательно подавлял всё это время. Этот новый аромат не был магическим в строгом смысле этого слова — он был органическим, живым, пульсирующим, и он становился всё сильнее, всё насыщеннее с каждым шагом, с каждым поворотом, с каждым новым переулком, в который сворачивал Элиан, ведомый своим мрачным инстинктом.

Наконец, после почти часа блужданий по лабиринту Крысиных Нор, когда дождь уже начал стихать, превращаясь из яростного ливня в мелкую, почти невесомую морось, окутывающую город влажной пеленой, след привёл его к массивному зданию, одиноко стоящему на берегу одного из многочисленных каналов, рассекающих эту часть города подобно затянувшимся, гноящимся ранам. Здание это явно было построено в другую эпоху — его архитектура, тяжеловесная и мрачная, с массивными контрфорсами, стрельчатыми окнами, забранными ржавыми решётками, и горгульями, скалящимися с карнизов, говорила о том, что когда-то, возможно, столетия назад, это место было храмом, или монастырём, или резиденцией какого-нибудь эксцентричного аристократа, пожелавшего воздвигнуть свой дом подальше от любопытных глаз. Теперь же здание производило впечатление полностью заброшенного — окна зияли чёрными провалами, в которых не горел ни один огонёк, массивные дубовые двери, обитые проржавевшим железом, были приоткрыты ровно настолько, чтобы в щель мог протиснуться человек, а каменные стены, покрытые многолетними наслоениями копоти, плесени и птичьего помёта, казались частью самого ландшафта, таким же естественным образованием, как скалы на морском берегу.

Однако Элиан, чьё восприятие теперь работало на нескольких уровнях одновременно, видел то, чего не увидел бы случайный прохожий, даже если бы таковой забрёл в эту богом забытую часть города глубокой ночью. Вокруг здания, подобно невидимому силовому полю, пульсировала многослойная аура, сотканная из нескольких различных типов магии, которые переплетались между собой в сложном, почти музыкальном контрапункте. Внешний слой этой ауры был маскировочным — классическая иллюзорная магия, очень высокого качества, почти музейного уровня исполнения, заставляющая случайных наблюдателей видеть не то, что находится перед ними на самом деле, а то, что они ожидают увидеть, а именно — заброшенные руины, не представляющие никакого интереса. Под этим слоем, подобно воде под коркой льда, текла более тёмная, более глубокая магия — та самая магия крови, след которой он преследовал от тела бродяги, но здесь, у самого её источника, она звучала не как одиночный инструмент, а как целый оркестр, как сложная симфония, в которой каждая нота была аккордом, а

каждый аккорд — заклинанием. И наконец, на самой глубине, в самом сердце этой магической конструкции, пульсировало что-то третье — то самое сладковатое, пряное, органическое излучение, которое Элиан почувствовал на подходе к зданию и которое теперь, в непосредственной близости от его источника, звучало с оглушительной, почти невыносимой интенсивностью, заглушая все остальные ощущения и пробуждая в нём такой голод, какого он не испытывал с самого момента укуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.